

С.А. Сильванович

Гродненский государственный медицинский университет, stsilvanovich@yandex.ru

Территория западного Полесья в 1921 – 1939 гг. входила в состав Полесского воеводства Польши. По польской переписи населения 1931 г. здесь проживало 1132 тыс. жителей. Это было самое крупное и одновременно наименее населённое воеводство во всей Польше. Густота населения уменьшалась по мере продвижения на восток. Точно определить национальный состав населения довольно сложно. С полной уверенностью можно сказать лишь то, что поляки здесь составляли решительное меньшинство. Если вслед за польским демографом Петром Эберхардтом за поляков считать только католиков, указывавших во время переписи 1931 г. в качестве родного языка польский, то было их на территории воеводства (за исключением Камень-Каширского уезда) 118 тыс., или всего 11,5 %[1]. В городах Полесья доминировали евреи. Число городских жителей польской национальности не превышало 30 %. Среди населения занимающегося сельским хозяйством и проживающего в сельской местности поляки составляли всего 8,7 % (скорее всего без осадников и помещиков)[2]. Большинство населения, 707 тыс., или 68,2 %, составляли православные, признававшие в качестве родного языка белорусский или «гутэйший». Последнее обстоятельство, которое указывало на отсутствие точнее определённой национальной принадлежности, а в какой-то степени, возможно, было продиктовано конъюнктурными соображениями местного населения по отношению к польскому государству, давало основания польским властям выделять так называемых «полешуков» в отдельную группу и наполняло их оптимизмом по поводу возможности присвоения этой группой польского национального самосознания. «Через польскую колонизацию Полесья можно будет создать широкий польский коридор на восток, создать над Припятью компактное польское пространство между белорусским пространством с севера и украинским и юга, разделить их и не допустить соединения, наоборот – создать новый источник польского влияния на оба», - писал 1 марта 1923 г. полесский воевода С. Довнарович в Министерство внутренних дел Польши [3]. Осуществить эти задумки планировалось через осадничество, повышение жизненного уровня местного населения, развитие польской системы образования и культуры. В рамках осадничества, которое должно было усилить польское влияние на востоке страны, в Полесском воеводстве к середине 30-х годов XX столетия было создано около 1142 хозяйств со средним размером надела в 24,8 га. Большинство хозяйств принадлежало военным осадникам, среди которых только 40 были православными [4]. Однако политика осадничества в большей степени посодействовала озлоблению местного населения и нареканиям на Польшу, чем повлияла на характер полесской деревни. «Если мы будущее нашего государства на Полесье должны основать не только на польских колонистах,... но и на местном полешуцком населении, привлечение которого мне не представляется особо трудным, то сельскую колонизацию в настоящий момент не только не следует форсировать, а наоборот - она должна идти вслед за удовлетворением потребностей местного населения и урегулированием хозяйственных отношений», - предлагал свои соображения ещё в начале 20-х годов XX в. выше упоминаемый С. Довнарович [5]. Но реализовать его предложения, по-видимому, было гораздо сложнее, чем ему представлялось. Промышленность на территории Полесья была развита слабо. Преобладали деревообрабатывающие предприятия. Существовали также мелкие предприятия в других отраслях. Полесское воеводство было одним из самых отсталых в Польше. Местное население из-за отсутствия промышленности и каких-либо возможностей заработка в подавляющем большинстве было занято в сельском хозяйстве. Основная масса крестьян имела хозяйства меньше 10 га. Во время parcelляции в северо-восточной части страны (в документе территория точно не указывается, но, по всей видимости, речь идёт о Виленском, Новогрудском и Полесском воеводствах) с 1919г. по 1932 г. землю получили свыше 70 тыс. собственников, в том числе 42,1% белорусов. Большинство из них получило также кредиты и различного рода помощь для ведения хозяйства [6]. Однако эта земля к самым бедным крестьянам

не попала и серьёзного влияния реформа на ситуацию в деревне не оказала. Даже после проведения парцелляции в Полесском воеводстве в 1939 г. было 746 земельных собственников, имеющих хозяйства свыше 50 га. Процент общей площади крупной земельной собственности, находящейся в сельскохозяйственном употреблении, составлял 36 % (в некоторых уездах, например, Лунинецком, Столинском и Пинском, этот процент превышал даже 70 %). Средний размер поместья в Польше в 1939 г. составлял 522 га, а в Полесском воеводстве – 2121 га [7]. В документе начала 30-х годов XX ст. существующее положение вещей отражено следующим образом: « На территории северо-восточных земель находится польское поместье в 1000 га. Оно окружено мелкими, в 1-2 га, хозяйствами польского и белорусского населения. Поместье состоит из хороших земель и плохих, хозяйства – преимущественно из плохих. По экономическим соображениям, сейчас из-за кризиса, в поместье обрабатывается лишь 300 га. лучшей земли. Плохая земля не обрабатывается, потому что это не окупает затрат на её обработку. 700 га лежит облогом... В это время хозяин надела в 1-2 га свою плохую землю обрабатывает. У него многочисленная семья, которую с этой земли он прокормить не может. И у него постоянно перед глазами этих 700 га необрабатываемой помещичьей земли. Это явление способствует нарастанию чувства ненависти и мщения. «Двор виновен в том, что мы голодаем, - восклицает крестьянин. «Двор виновен», - восклицают соседи. «Со двором нужно свести счёт», - слышится в деревне. Но на защите двора стоит полиция, административные власти, правительство. Они защищают двор, а, следовательно, виновны и они. А поскольку правительство польское, то и заботится оно лишь о поляках, которыми являются помещики. Крестьяне же являются «тутэйшими». Они эту разницу чувствуют и она постоянно углубляется» [8]. Данная цитата не только характеризует ситуацию в деревне в начале 30-х годов, но и даёт представление о том, что польские власти довольно трезво её оценивали. С целью решения земельной проблемы обсуждались вопросы мелиорации Полесья, способы повышения урожайности, совершенствования сельскохозяйственной культуры, развития деревообрабатывающей промышленности. Предлагалось вместо сельской колонизации проводить городскую, вплоть до того, чтобы задействовать в этом процессе военных пенсионеров и инвалидов. Предполагалось, что государственные выплаты для этой категории населения могут поспособствовать оживлению экономической жизни региона. Успешная реализация этих мероприятий зависела от последовательной политики, материальных средств и времени. Однако ни одного из этих факторов в тех условиях в наличии не оказалось. Ситуация во второй половине 30-х гг. XX ст. мало отличалась от предыдущей. «Нищета полешуков велика, как нигде в стране. Есть несколько тысяч домов, которые страховая организация вместе с хозяйственными постройками оценивает в 40-70 злотых. А есть такие «хозяйства», которые страховая организация вообще не желает оценивать, поскольку «эти хозяйства не стоят даже нескольких злотых». Есть около 15 тыс. хозяйств размером меньше 1 га плохой земли. В городах, лишённых крупной промышленности, нищета и голод неправдоподобны, но при этом неустанно углубляются. Если бы господин министр когда-нибудь увидел эти страшные условия жизни десятков тысяч людей, то, наверно, принял бы во внимание мою скромную просьбу», - писал 30 декабря 1937 г. полесский воевода В. Костек-Бернацкий министру общественной опеки [9].

Относительно больших успехов на Полесье польское государство достигло в области образования. Данные 1921 г. свидетельствуют о том, что в среднем в Польше было 33,1 % безграмотных, на Полесье же – 77,1 %. На протяжении только первого десятилетия этот процент уменьшился в целом по стране на 10 % (до 23,1 %), а в Полесском воеводстве – на 22,6 % (до 48,4 %). Но поскольку этот процесс сопровождался вытеснением всего, что было белорусским или русским, а также «увольнением со служебных должностей всех неполяков и полуполяков, связанных родственными узами или симпатиями с той или иной Россией» [10], то и он не увеличил количества симпатизирующих польской власти. Зная о связях православия на этих землях с Россией, не трудно себе представить, что эту формулировку можно было распространить на любого православного. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в 1928 г. поляки в Полесском воеводстве составляли 75 % интеллигенции [11].

Таким образом, в Полесском воеводстве поляк чаще, чем где-либо еще на северо-восточной территории польского государства выступал как чиновник, помещик или осадник. В межвоенное время Польше не удалось склонить на свою сторону неполяское население Полесья. Многие его представители не питали никаких симпатий к польскому государству, а определённая часть была даже враждебно настроена по отношению к нему. Тяжелые экономические условия создавали благодатную почву для деятельности коммунистических элементов и пропаганды, идущей с территории Советского Союза, содействовали распространению радикальных настроений.

Литература:

1. Eberhardt, P. Struktura narodowościowa Polski północno-wschodniej w latach trzydziestych XX wieku/ P. Eberhardt // Społeczeństwo białoruskie, litewskie i polskie na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej w latach 1939-1941: materiały międzynarodowej konferencji naukowej/ ISP PAN; red. M. Giżejewska, T. Strzembosz. – Warszawa, 1995.-S.50.

2. Uchwała Zgromadzenia Członków Rzeczywistych Instytutu Badań Narodowościowych z dn.6.IV.1933 r.// Archiwum Akt Nowych w Warszawie (AAN) (Архив новых актов в Варшаве). - Zbiory Ministerstwa Spraw Wewnętrznych (MSW) (Собрание Министерства внутренних дел).-Sygn.954. - K.9.

3. Zarys programu zadań i prac państwowych na Polesiu wojewody poleskiego St. Downarowicza (Wręczony Panu Ministrowi Spraw Wewnętrznych w dniu 1 marca 1923 r.) //AAN.- MSW.-Sygn.938.-K.19.

4. Stobniak-Smogorzewska, J. Kresowe osadnictwo wojskowe 1920-1945/ J. Stobniak-Smogorzewska.- Warszawa: ISP PAN, 2003. -S.103, 126.

5. Zarys programu zadań i prac państwowych na Polesiu wojewody poleskiego St. Downarowicza (Wręczony Panu Ministrowi Spraw Wewnętrznych w dniu 1 marca 1923 r.) //AAN.- MSW. - Sygn.938. -K.17.

6. Zagadnienia Ziemi Wschodnich w świetle bezpośredniej obserwacji// AAN.- MSW. -Sygn.946. -K.47.

7. Okupacja sowiecka (1939 - 1941) w świetle tajnych dokumentów. Wybór źródeł pod red. T. Strzembosza.- Warszawa: ISP PAN, 1996.- S.76.

8. Zagadnienia Ziemi Wschodnich w świetle bezpośredniej obserwacji//AAN. – MSW.-Sygn.946. - K.45-46.

9. Do Pana Ministra Opieki Społecznej z dnia 30 grudnia 1937 r.//AAN. – MSW.- Sygn.936. - K.1.

10. Zarys programu zadań i prac państwowych na Polesiu wojewody poleskiego St. Downarowicza (Wręczony Panu Ministrowi Spraw Wewnętrznych w dniu 1 marca 1923 r.)// AAN. –MSW.- Sygn.938. - K.10.

11. Государственный архив Брестской области (ГАБО). –Фонд 1.-Оп.9.-Д.2253. -Л.23.